

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНОВ
(Санкт-Петербург)

«ПУТЕМ ЗЕРНА» В. Ф. ХОДАСЕВИЧА И МИСТЕРИИ ТАММУЗА¹

В статье устанавливаются возможные источники стихотворения В. Ф. Ходасевича «Путем зерна» (1917) и проверяется гипотеза Д. Бетеа о связи между этим стихотворением и переводом стихотворения Ш. Черниховского «Песнь Астарте и Белу», который Ходасевич выполнил для антологии еврейской поэзии. В результате исследования выяснено, что при написании стихотворений на темы древнего Востока Черниховский использовал публикации шумерских плачей по Думузи, мотивы которых перенес на культы Астарты и Бела. В свою очередь Ходасевич заимствовал у Черниховского идею весеннего воскресения природы как «закона жизни и установления», но обозначил ее при переводе как «мудрость и закон», а в своем оригинальном стихотворении и вовсе сократил до «мудрости». Таким образом, становится понятно, что стихи Черниховского послужили катализатором для создания стихотворения «Путем зерна».

Ключевые слова: В. Ф. Ходасевич, «Путем зерна», Ш. Черниховский, «Песнь Астарте и Белу», древняя Месопотамия, плачи по Думузи.

Информация об авторе: Владимир Владимирович Емельянов, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: banshur69@gmail.com

V. F. Khodasevich's „Grain's Way“ and lamentations for Dumuzi

The possible sources of V. Khodasevich's poem „Grain's Way“ are established and the hypothesis of D. Bethea on the connection between V. Khodasevich's poem „Grain's Way“ and the translation of S. Tschernichowski's poem „Song to Astarte and Bel“, which

¹ Статья написана на основе одноименного доклада на «Летней школе по русской литературе» (30.06.2019, ИРЛИ РАН). Автор статьи выражает сердечную благодарность В. В. Зельченко за критическое обсуждение доклада и ценные дополнения к нему, а также Хаве-Брохе Корзаковой за подстрочник стихотворения Ш. Черниховского, написанного на иврите. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 16-18-10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: История религиоведения и интеллектуальная история России XIX — первой половины XX вв.».

Khodasevich performed for the anthology of Jewish poetry, is tested. As a result of the study, it was found that when writing poems on the themes of the ancient Near East, Tschernichowski used the publication of Sumerian lamentations for Dumuzi, the motives of which were transferred to the cults of Astarte and Bel. In turn, Khodasevich borrowed from Tschernichowski the idea of the spring resurrection of nature as „law of life and establishment“, but he designated it in translation as „wisdom and law“, and in his original poem he completely reduced it to „wisdom“. Thus, it becomes clear that Tschernichowski's poems served as a catalyst for the creation of the poem „Grain's Way“.

Keywords: V. F. Khodasevich, „Grain's Way“, Sch. Tschernichowski, „Song to Astarte and Bel“, ancient Mesopotamia, lamentations for Dumuzi.

About the author: Vladimir Emelianov, Doctor of Philological Sciences, Professor at Saint Petersburg State University. Saint Peterburg, Russia.

DOI 10.26172/2587-8190-2019-15-4-388-414

Наиболее известное стихотворение Владислава Ходасевича имеет полигенетическую природу. Его источниками, как будет показано дальше, стали религиозные и литературные тексты народов Ближнего Востока, созданные в разные эпохи его истории — как древней, так и современной. Прежде всего, обратимся к тексту самого стихотворения.

ПУТЁМ ЗЕРНА¹

Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.

Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю чёрную оно упасть должно.

И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрёт и прорастёт.

Так и душа моя идёт путём зерна:
Сойдя во мрак, умрёт — и оживёт она.

¹ Стихотворение с аналогичным названием есть в Собрании сочинений М. С. Шагинян (*Шагинян М. С.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1956. Т. 1. С. 55), однако в ее сборнике «Первые встречи» (М., 1909) оно не имело заглавия (сообщено В. В. Зельченко). Вероятно, Шагинян, которую связывали с Ходасевичем тесное знакомство и обмен критическими уколами, воспользовалась заглавием его стихотворения в расчете на забывчивость советского читателя.

И ты, моя страна, и ты, её народ,
Умрёшь и оживёшь, пройдя сквозь этот год, —
Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путём зерна.

23 декабря 1917 года (1, 85)¹

В автографе стихотворения² после 6 строки есть несколько попыток написать «колосья тучные качались над межой», «усатым колосом подняться над межой», но эта строчка была отброшена.³ Там же в 11 строке сверху над словами «мудрость нам» стоит «заповедь». Видно, что поэт испытывал затруднение с предпоследней строкой. Он хотел написать «затем, что заповедь единая дана», но отверг этот вариант, оставив «мудрость нам единая дана». И эта робость в выборе между мудростью и заповедью неслучайна.

Однако обратим сперва внимание на некоторые формально-грамматические особенности стихотворения. Прежде всего, интересно распределение времен: 1 строка — настоящее время, 2 — прошедшее, 3 — настоящее, 4 — будущее, 5 — настоящее, 6 — будущее, 7 — настоящее, 8 — будущее, 9 — нет глагола, 10 — будущее, 11 — прошедшее, 12 — инфинитив в значении каузатива. Итого: 4 настоящих времени, 2 прошедших, 4 будущих, 1 инфинитив. Все времена как бы направляются навстречу этому инфинитиву. Во всех временах живому довлеет одно.

Интересны также субъекты действия. Зерном занимается сеятель. Но все остальные процессы происходят бессубъектно, сами по себе. Да и сеятель производит лишь естественное

¹ Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 2009. Т. 1. С. 85; далее произведения Ходасевича будут цитироваться по этому изданию с указанием в тексте номера тома и страницы.

² Рукопись не опубликована. Ее данные цитируются по фотографии в книге: *Betha D. M. Khodasevich: His Life and Art*. Princeton, 1983. P. 140.

³ В левом углу листа ближе к центру есть рисунок, напоминающий рукописное написание клинописных знаков. Предположительно, это изображение солнца с новоассирийской печати. Рисунок сопровождается подсчетами неизвестного назначения, появившимися позднее. Сам текст черновика следует правее рисунка и подсчетов.

действие, свойственное всем его предкам. Он не чувствует в этом действии своей особой субъектности.

Теперь вновь вернемся к мудрости и ее рукописной альтернативе — заповеди. Заповедь дается всем как закон. Мудрость не может быть дана всем. Она удел избранных, она персональна. «Всему живущему идти путем зерна» — в этой строке выражена не чья-то частная мудрость, а бессубъектный естественный закон. Поэт прекрасно понимает, что «заповедь» по смыслу подошла бы больше. Но он по определенной причине оставляет «мудрость».

Стихотворение написано 23 декабря 1917 года. Впервые оно было опубликовано в газете «Новая жизнь» (1918. № 25 (239). 15 февр.). В комментарии к этому стихотворению в новейшем Собрании сочинений поэта говорится: «Тема стихотворения восходит к евангельскому: „Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода“ (Ин. 12: 24)».¹

В. С. Баевский дополняет этот евангельский контекст пушкинским: «Когда речь идет о стихотворении Ходасевича, следует непременно принимать во внимание нити, тянущиеся от Пушкина, в данном случае — стихотворение Пушкина „Свободы сеятель пустынный...“ <...>. Однако Пушкин истолковывает евангельскую притчу о сеятеле предельно пессимистически, Ходасевич же — ближе к ее смыслу в Евангелии от Матфея...».²

Евангелие — это тот фонарь, под которым удобнее искать, хотя перед стихотворением нет евангельской цитаты, и сам поэт ничего о ней не пишет. Можно привести ветхозаветные и новозаветные контексты, связанные с выращиванием хлеба и возрождением зерна:

...в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься (Быт 3: 19);

¹ Малмстад Дж. Э., Хьюз Р. Примечания // Ходасевич В. Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 380.

² Баевский В. С. История русской поэзии. 1730–1980: Компендиум. Изд. 3, испр. и доп. М., 1996. С. 242–243.

Выйдя же в день тот из дома, Иисус сел у моря. И собралось к Нему множество народа, так что Он вошел в лодку и сел; а весь народ стоял на берегу. И поучал их много притчами, говоря: вот, вышел сеятель сеять; и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; иное упало в тернии, и выросло терние и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать. Кто имеет уши слышать, да слышит! И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано, ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет; потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют; и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите — и не уразумеете, и глазами смотреть будете — и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их. Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат, ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали. Вы же выслушайте значение притчи о сеятеле: ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его — вот кого означает посеянное при дороге. А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его; но не имеет в себе корня и непостоянен: когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняется. А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно. Посеянное же на доброй земле означает слышащего слово и разумеющего, который и бывает плодороден, так что иной приносит плод во сто крат, иной в шестьдесят, а иной в тридцать (Мф 13: 1–23; также Мк 4: 1–20, Лк 8: 4–15);

Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут? Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое; но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому

семени свое тело. Не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у человеков, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц. Есть тела небесные и тела земные; но иная слава небесных, иная земных. Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе. Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в уничижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное. Так и написано: первый человек Адам стал душею живущею; а последний Адам есть дух животворящий. Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное. Первый человек — из земли, перстный; второй человек — Господь с неба. Каков перстный, таковы и перстные; и каков небесный, таковы и небесные. И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного (1Кор 15: 35–49).

Рассмотрим отдельно основную евангельскую цитату, которую считают источником стихотворения Ходасевича. Исключительно важен ее контекст:

Иисус же, найдя молодого осла, сел на него, как написано: Не бойся, дочь Сионова! се, Царь твой грядет, сидя на молодом осле. Ученики Его сперва не поняли этого; но когда прославился Иисус, тогда вспомнили, что там было о Нем написано, и это сделали Ему. Народ, бывший с Ним прежде, свидетельствовал, что Он вызвал из гроба Лазаря и воскресил его из мертвых. Потому и встретил Его народ, ибо слышал, что Он сотворил это чудо. Фарисеи же говорили между собою: видите ли, что не успеваете ничего? весь мир идет за Ним. Из пришедших на поклонение в праздник были некоторые Еллины. Они подошли к Филиппу, который был из Вифсаиды Галилейской, и просили его, говоря: господин! нам хочется видеть Иисуса. Филипп идет и говорит о том Андрею; и потом Андрей и Филипп рассказывают о том Иисусу. Иисус же сказал им в ответ: пришел час прославиться Сыну Человеческому. Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную (Ин 12: 14–25).

Этот фрагмент не имеет отношения к притче о сеятеле. В нем говорится о шествии Иисуса на молодом осле в Иерусалим за неделю до Песаха. Иисус готовится к своему прославлению, что означает — к жертве. Он говорит

о самоотречении и о готовности принять смерть. В притче же о сеятеле имеется в виду не жертва Христа, а возможные последствия его проповеди о Царстве небесном. Стихотворение Пушкина «Свободы сеятель пустынный...», что понятно из эпитафии к нему, связано с притчей о сеятеле, но оно не имеет отношения к притче о прославлении. Если бы Ходасевич использовал Евангелие для своего стихотворения, то он взял бы не притчу о сеятеле, а притчу из Иоанна. Поэтому В. С. Баевский ошибается в своей аналогии: «Путем зерна» не связано со стихотворением Пушкина по смыслу. Что же касается самого Ходасевича, то он нигде не пишет о влиянии на свое стихотворение «Путем зерна» какого-либо евангельского контекста. В рукописи нет эпитафии, и в черновых вариантах на полях рукописи нет библейских аллюзий.

Заметим, что ветхозаветный текст не обещает земледельцу никакого возрождения, а лишь связывает хлеб, плоть человека и земной прах. Возвращение здесь прописано только телу человека, и это — посмертное возвращение в землю. Проповедь Христа в Евангелии от Иоанна касается только размножения плоти, которой суждено умереть, но не говорит о воскресении той же самой плоти. Что же касается души, то ее воскресение возможно только в вечной жизни. Проповедь апостола Павла однозначно повествует о единственном состоявшемся исключении из правила плотской смерти, каковым является воскресший из мертвых Христос. Христиане могут воскреснуть только при условии веры в его воскресение. В любом случае все, о чем говорится в Евангелии, является судьбой только одного (бого)человека — Христа, который в контексте двух разных притч выступает и в роли сеятеля, и в роли зерна. Это важно подчеркнуть: нигде в Библии не сказано о заповеди или законе всеобщего воскрешения из мертвых до второго пришествия Христа и Страшного суда. Следовательно, с идейной точки зрения библейские тексты не могли быть основой для стихотворения Ходасевича, в котором проводится совсем другая идея: воскресение из мертвых является законом жизни, назначенным всему живому.

Теперь обратим специальное внимание на дату написания стихотворения, о которой И. Э. Карлы пишет так: «Проставляя под стихотворением дату кануна Рождества, 23 декабря,

В. Ходасевич, католик по вероисповеданию, тем самым фиксирует время, когда мир погружен во тьму. Спаситель еще не рожден, христианин соблюдает пост и молится в ожидании Сочельника (24 декабря) и чуда Рождества <...> Сеятель Ходасевича, если устанавливать тесную семантическую связь с датировкой, как и сеятель Пушкина, вышел не в свой час».¹

Разумеется, дата Рождества Христова уже не связана с текстом Евангелий и устанавливается согласно традиции, идущей от первых церковных соборов IV в. н. э. Весьма вероятно, что дата стихотворения Ходасевича действительно является символической. Однако ее смысл лежит намного глубже византийских установлений. Известно, что 25 декабря — день мистерии Митры как Непобедимого Солнца (Sol Invictus), праздника Римской империи. В свою очередь, римский праздник корнями уходит в религиозную традицию древнего Ближнего Востока. Что же касается связи со стихотворением Пушкина, то, как показано выше, она эфемерна.

В своей диссертации П. Ф. Успенский замечает, что в некоторых стихотворениях Ходасевич уподобляет себя Христу:

Наконец, мучительной любви посвящено последнее стихотворение первого раздела «Молодости» с проекций лирического «я» на распятие Христа: «Ужели бешеная злость / И мне свой укус терпкий бросит? / И снова согнутая трость / Его к устам, дрожа, подносит?» <...> Уподобление себя Христу уже встречалось в стихотворении «Опять во тьме у наших ног»; «Безнадежность» и «Любовь», как и «Судьба» — основные темы, а ощущение собственной мертвенности (ср. «и упал — мертвецом!») — лейтмотив всего сборника; добавим, что, по наблюдению исследователя, «терновый венец» предвосхищен строками из третьего стихотворения «Молодости»: «Вокруг чела Тоска сплетается / Моей короной роковой»...²

Однако в «Путем зерна» такого уподобления нет. Поэт намеренно объективирует происходящее с его душой и не собирается проводить ассоциации с подвигом и воскресением

¹ Карлы И. Э. Роль авторской датировки в лирическом стихотворении // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2010. № 1 (72). С. 51.

² Успенский П. Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. — 1917 г.). Тарту, 2014. С. 53, 58.

Христа. Несмотря на близость библейским источникам, стихотворение проводит совершенно иную мысль: не один восстает из мертвых, а всему живому суждено умереть и восстать из земли. О всеобщем характере воскрешения говорит местоимение «нам», без которого главная идея стихотворения была бы неочевидна: ведь ранее поэт сообщает только о своей душе и ее восстании из мертвых. Если бы был предпочтен вариант «заповедь единая дана», то этого «нам» не возникло бы. При употреблении слова «мудрость» место для «нам» остается. Видимо, с этим и связано предпочтение поэта.

Зерно и сеятель — не более чем метафоры для Ходасевича. На самом деле он не любит ни того, ни другого. Об этом говорят следующие фрагменты его писем и статей. Так, в статье, посвященной седьмому сборнику товарищества «Знание» (1906), он пишет: «Горький раньше знал только отвлеченных людей, если так можно сказать — беспочвенных. Теперь он поселил их на земле. Протасов, Елена, Вагин — ведь это прежние Сатины, такие свободные и могучие вне нашей атмосферы. Но здесь, на земле, темной, тяжелой, всевластной, где взрыхленные поля залиты потом и кровью, где так больно живется на острых, окровавленных ребрах городских камней, они стали бледными, вялыми, хилыми» (2, 32). См. также письмо М. Горькому от 28 июня 1923 года: «...чего и ждать от людей, желающих сделать политическую и социальную революцию — без революции духа. Я некогда ждал — по глупости. Ныне эти мещане дождутся того, что разнуздают последнего *духа мещанства: духа земли: землероба*. Этому и коммунист покажется слишком идеалистом, и он удавит последнего попа на кишках последнего коммуниста».¹

В поэтическом творчестве Ходасевича отношение к зерну постепенно меняется под воздействием Пушкина. Так, строки из стихотворения «В моей стране» (9 июня 1907) воспроизводят идеологию пушкинской «Деревни»:

Мои поля сыпучий пепел кроет.
В моей стране печален страдальный день.
Сухую пыль соха со скрипом роет,
И ноги жжет затянутый ремень.

¹ Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 461.

В моей стране — ни зим, ни лет, ни весен,
Ни дней, ни зорь, ни голубых ночей.
Там круглый год владычествует осень,
Там — серый свет бессолнечных лучей.

Там сеятель бессмысленно, упорно,
Скуля как пес, влачась как вьючный скот,
В родную землю втаптывает зерна —
Отцовских нив безжизненный приплод.

А в шалаше — что делать? Выть да охать,
Точить клинок нехитрого ножа
Да тешить женщин яростную похоть,
Царапаясь, кусаясь и визжа.

А женщины, в игре постыдно-блудной,
Открытой всем, все силы истощив,
Беременеют тягостно и нудно
И каждый год родят, не доносив... (1, 29–30)

Ср. у Пушкина:

Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь Рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого Владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.¹

Однако с 1915 года Ходасевич начинает воспринимать зерно совсем в другом пушкинском контексте, связанном с романом «Евгений Онегин» и образом Татьяны Лариной:

УЕДИНЕНИЕ

Заветные часы уединенья!
Ваш каждый миг лелею, как зерно;

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1977. Т. 1. С. 319.

Во тьме души да прорастет оно
Таинственным побегом вдохновенья.

<...>

С мечтою — жизнь, с молчаньем — песнопенье
Связало ты, как прочное звено.
Незыблемо с тобой сопряжено
Судьбы моей грядущее решенье.
И если мне погибнуть суждено —
Про моряка, упавшего на дно,
Ты песенку мне спой — уединенье!

6–7 июня 1915 года (1, 116–117)

Ср. у Пушкина в «Евгении Онегине»:

Задумчивость, ее подруга
От самых колыбельных дней,
Течение сельского досуга
Мечтами украшала ей... (2, XXVI)

...И в сердце дума заронилась;
Пора пришла, она влюбилась.
Так в землю падшее зерно
Весны огнем оживлено.¹
Давно ее воображенье,
Сгорая негой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь (3, VII).²

Еще раньше об этой задумчивости и уединении Пушкин пишет к Чаадаеву (1821):

В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд, и жажду размышлений.

¹ Несомненно, эта пушкинская метафора проросла в стихотворении «Золото» (7 января 1917 года), сыгравшем определенную роль в формировании концепции зерна: именно в «Золоте» начинала нащупываться метафора «путем зерна».

Но пусть не буду я, как римлянин, сожжен:
Хочу в земле вкусить утробный сон,
Хочу весенним злаком прорасти,

Кружась по древнему, по звездному пути (1, 101).

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 41, 50–51.

Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.¹

Таким образом, с 1915 года зерно для Ходасевича связано уже не с работой хлебороба, а с вдохновением как плодом уединенных размышлений. Это приготавливает почву для появления «Путем зерна».

В 1917 года произошла встреча, которая стала основной причиной создания рассматриваемого стихотворения. Лейб Яффе пишет в своих мемуарах о Ходасевиче:

Я искал русского поэта, который стал бы сотрудничать со мной в издании антологии еврейской поэзии в русских переводах² и отредактировал бы книгу с точки зрения русского языка. Михаил Гершензон, знаменитый исследователь и русский литератор, познакомил меня с Владиславом Ходасевичем, талантливым поэтом, прекрасным стилистом и отличным переводчиком, занимавшим видное место в русской поэзии. Тот согласился на мое предложение, и в сентябре 1917 года³ мы приступили к работе. Хаим Гринберг, главным образом, и я перевели стихи слово в слово; если память меня не подводит, мы перевели около четырех тысяч строк.⁴

Среди авторов антологии был выдающийся человек своего времени Шауль Черниховский (1875–1943). Он получил медицинское образование в университетах Гейдельберга и Лозанны, увлекался древними языками, учил, в частности, аккадский язык и в 1924 году перевел эпос о Гильгамеше с одного древнего

¹ Там же. Т. 2. С. 47.

² Еврейская антология: Сборник молодой еврейской поэзии. М., 1918.

³ Первое известное нам письмо Ходасевича по поводу издания «Еврейской антологии» датировано 18 августа 1917 года. Оно адресовано Ф. К. Сологубу. Следовательно, знакомство Л. Яффе и Ходасевича состоялось ранее этого времени. См. по этому поводу: *Лавров А. В.* Лейб Яффе и «Еврейская антология»: К истории издания // *Художественный перевод и сравнительное изучение культур: (Памяти Ю. Д. Левина)*. СПб., 2010. С. 120–138. Вполне возможно, что в черновике «Путем зерна» мы видим именно подсчеты переведенных строк антологии.

⁴ *Яффе Л.* Владислав Ходасевич: (Из моих воспоминаний) // Ходасевич В. Ф. Из еврейских поэтов / Сост., вступ. статья и комм. З. Копельман. М.; Иерусалим, 1998. С. 57–58.

языка — аккадского — на не менее древний библейский иврит. Оригинальная ивритская поэзия Черниховского¹ вызвала интерес Ходасевича,² который впоследствии в эссе «О Черниховском» (1924) так характеризовал этого автора:

Непосредственное чувство уводит Черниховского далеко от современности. Свои переживания одевает он в образы глубокой древности. Лирика Черниховского рисует нам человека, погруженного в видения Древней Иудеи («Паломница», «Смерть Тамуза», «Был царь в Иешурина» и т. д.) или поющего гимны богам: Астарте и Белу. Казалось бы, в связи со своим содержанием его лирика должна воскрешать древние поэтические формы, быть в значительной степени стилизацией. Но — как раз этого и нет. Архаические переживания Черниховского высказаны в очень современных стихах, с рифмами, с самой модернизированной инструментровкой, с поздней строфикой. Многим придана даже сонетная форма. Поэтика Черниховского обогнала его самого: он еще в древности — она успела пройти все времена, вплоть до наших (2, 304).

Именно Черниховскому суждено было стать основным вдохновителем стихотворения Ходасевича, бывшего в конце 1917 года переводчиком его стихов. Впервые об этом написано в монографии Д. Бетеа о творчестве Ходасевича:

Apparently he lighted on the eventual title in December 1917 when he composed the lead (and title) poem, with its metaphor of sowing and reaping and its claim for some larger rhythm controlling the affairs of poets and states. A clear response to the Revolution on whose heels it is written, the poem also bears a dateline well into the translation project. The life-affirming qualities of modern Hebrew verse extolled by Gershenzon are especially evident in Tschernichowski's 'Pesn' Astarte i Belu (Song to Astarte and Bel), a poem whose imagery (the path and the grain) and whose theme (wisdom) Khodasevich seems then to have taken up and adapted to the Russian condition <...> Even more to the point, however, Khodasevich did not merely borrow the imagery and themes

¹ *Tschernichowski S. Schirim. Ha-Schiloach, 1911.*

² О некоторых аспектах переводов Ходасевичем стихов Черниховского см.: *Schulte J. Saul Tchernichowsky and Vladislav Khodasevich: A Chapter in Philological Cooperation // Trumah: Zeitschrift der Hochschule für Jüdische Studien. 2013. Bd. 21. P. 9–27.* Однако в этой статье речь идет только о сюжетах из современной Черниховскому жизни, древневосточные мотивы в ней не затрагиваются.

of Tschernichowski's poem. He made them his own, cultivated them with his own poetic tools, „grafted“ them (as he would have put it) to the unique stock of Grain's Way.¹

Гипотезу Бетеа следует проверить, пользуясь как переводом стихотворения Черниховского, который выполнил Ходасевич, так и подстрочником, который сделала по моей просьбе Хава-Броха Корзакова.

Ш. Черниховский
ПЕСНЬ АСТАРТЕ И БЕЛУ

(Перевод В. Ходасевича)

Бел с Астартой! Песня вам!
Зычный филин! Змей из ям!
Воля к страсти! К жизни зов!
Выходите из низов,
Где полынь, где терн заплел
Кипариса ветхий ствол.
Всяк живой — восторг встречай,
Перед ним пути равняй!

Прочь из бездн, из темных ям!
Солнца светел путь и прям.
Пробудилось солнце вновь,
Отравляет хмелем кровь.
Старый хлеб иссяк, но в срок
Озимь гонит свой росток.

Солнце глянуло светло,
Солнце в бездну низошло, —
Птицей властвует порыв,
Птица птице шлет призыв.
Стаи кличут и летят,
Стая к стае, с рядом ряд,
Мчатся, выются по кругам —
Вот уж пары здесь и там.

Крикни волку в даль степей:
«Вспрянь — и с болью счастье пей!

¹ *Betha D. Khodasevich: His Life and Art.* P. 136–137.

Встрепенись, как Бог рукой
 Мощно схватит мускул твой.
 Тайных сил внемли завет, —
 Древний ток минувших лет.
 Слушай вечности закон;
 Полон тайн и мощи он,
 Скрыт он в звере и в ростке,
 Точно пламень в тайнике».

Человек, восторг встречай,
 Светлый путь ему равняй!
 Горсть пшеницы золотой
 Брошу я в тебя рукой.
 В зернах — тайна, в зернах — сок,
 В соке — вечной жизни ток.
 Тайна в дух твой западет;
 Огонь в крови твоей зажжет...
 Вспрянь, желай и будь силен:
 В этом — мудрость и закон.

Взяв жену, иди в поля,
 Там беременна земля:
 Поколенья трав живых
 Бьют ключем из недр земных.
 Тайно в скалах и песках
 Зреет новь и тлеет прах.
 Жизнью тьма, как свет, полна:
 Всюду Бела семена!

Глянь на запад и восток —
 Всюду вод кипучий ток
 Полн зачатий и родов:
 В шумном рокоте ручьев,
 В море, сжатом между скал,
 Там, где медленный канал,
 Где капель поет, звеня, —
 В бездне тьмы и в свете дня.

Тайна в дух твой западет,
 Властной чарой обоймет, —
 Ибо мудрость и закон:
 Вспрянь, желай и будь силен!

1909¹

¹ Ходасевич В. Из еврейских поэтов. Пб.; Берлин, 1923. С. 47–49.

Подстрочник с иврита:

Шауль Черниковский
АСТАРТЕ И БЕЛУ!

Астарте песня и Белу:
Змей ада, филин ночи,
Призыв к страсти, песня к живому,
Выходите из русел долины,
Из охапок листьев полыни,
Из колючих зарослей стволов кипарисов,
Оставьте вымоины в скале и яму!
Навстречу радостям, навстречу веселью
Освободите дорогу, продолжите тропу!

Солнце возжелало путей света,
И весеннее солнце пробудилось горячим,
Отравляет своими сумасшествиями кровь,
Пришел черед, которого затронул предел,¹
Остаток прошлого года в посеве в срок.

От заката дня до конца
Тропа круга созвездий (mazal) и коснулся (?) бездны,²
Крылатый пришел, охвачен
Тайнами жизни, пришел с воззванием,
Стаи приходят тихо в полете,
Стая и стая, ряд к ряду,
По диагонали и по кругу —
И расстаются по парам.

И к степи обратись и к волку:
Встань, и будешь осчастливлен из боли,
И ударил твое сердце, ухватившись
За твои мышцы, бог с силой.
Высшие силы в тебе и остаток
Потоков давних поколений,
Наследство прошлого дает приказ,
Чудесный, полный мощи и великий,

¹ Далее примечания переводчицы. — В. Е. Следующие далее цитаты пишутся в облегченной ивритской транскрипции. Буквально התור בו נגע גבול — ba ha-tor bo naga gvul (возможна игра слов: tor „голубь“, tor „черед“).

² שביל המול ונגע התורם Shvil ha-mazal ve naga tehom.

Спрятан глубоко внутри существования,
Как молния, скрытая в мраморном камне.

О, человек, навстречу веселью
Освободите дорогу, проложите тропу!
Полную горсть золотой пшеницы
Брошу перед тобой — тайна
В зернах и внутри них — тук
Жизни мира, вечной жизни,
И в твоей душе запечатлена тайна —
В выемках твоей крови она будет гореть:
Встань и поднимись, осмелюсь и желаю —
Таков закон жизни и установление!¹

И увидят тебя (?) вместе с дочерью²
В землю — она беременна
Поколениями травы и вечными племенами,
Прорываются, вытекают без меры:
Скрытые в горах и спрятанные в песке,
Завтрашняя жизнь, вчерашние трупы,
В жизни света и в жизни тьмы
Семя солнца, семя Бела.

И воинство моря в рамке песка³
На восток и на запад неся бремя
Беременности и вечного рождения:
От потока, который спустился,
И до моря, чья мощь — скала,
В каплях трубы на быке,⁴
На источнике и на берегах протока,
Во тьме бездны, в свете и сиянии.

И впиталась в твою душу эта тайна
Полная секретов, полная сияния —
Закон жизни это и установление:
Встань и поднимись, осмелюсь и желаю!

(Кириковка, 1909)⁵

¹ מִשְׁפָּט חַיִּים הוּא הַחֹק mishpat hayim hu va-hoq (синонимы mishpat „закон“ и hoq „закон, установление“).

² וַנִּבְאֲדָתָא עִם הַבַּת Ve-nibadta im ha-bat (la-adama).

³ וְהֵייל הַיָּם בְּמִסְגֶּרֶת חוֹל Ve-heyl ha-yam be-misgeret hol.

⁴ בְּשִׁית צִינּוֹר עַל הַשּׁוֹר Be-tipot tzinor al ha-shor.

⁵ Перевод по изданию: *Tschernichovsky Sh. Songs (Shirim)*. Tel-Aviv, 1955. P. 249–251.

Стихотворение Черниховского соотносит возрождение зерна с пробуждением Солнца, т. е. с зимним солнцестоянием. В дни зимнего солнцестояния из-под земли выходят умирающие и воскресающие боги плодородия — Таммуз, Адонис, Баал, Аттис, которых ровно за полгода до этого бросали в землю как ячменное зерно. Именно о летнем времени плача по Таммузу, который стал героем одноименного месяца (июнь–июль), говорит нам другое стихотворение Черниховского в переводе Ходасевича:

В ЗНОЙНЫЙ ДЕНЬ

Идиллия

Тамуза солнце средь неба недвижно стоит, изливая
Света и блеска поток на поля и сады Украины.
Море огня разлилось — и отблески, отсветы, искры
Перебегают вокруг улыбчиво, быстро, воздушно.
Вот — засияли на маке, на крылышках бабочки пестрой...
Там комары заплясали над зеркалом лужицы. С ними
В солнечном блеске танцует стрекоз веселое племя.
В зелень густую листвы и в черные борозды поля —
Всюду проникли лучи; вон там проскользнули по струйке,
Что с лепетаньем проворным бежит по земле золотистой.
Луч ни один не вернулся туда, откуда пришел он,
И ни за что не вернется. Так шаловливые дети
Мчатся от матери прочь — и прячутся; их и не сыщешь.
Поле впитало в себя осколки разбрызганных светов,
Бережно спрятало их в плодоносное, теплое лоно.
Завязи, почки, побеги впитали их в клеточки жадно,
После ж, когда миновала пора изумрудная листьев,
Поле и нива наружу извергли хранимые светы;
Луч поднялся из земли, и зернами сделались искры, —
Зернами ржи усатой, налившейся грузно пшеницы
И ячменя. И всплеснулось золото нижнее к небу,
С золотом верхним слилось, — и со светами встретились светы.
Зной превратился в удушье.¹

Здесь мы видим ту же самую метафору зерна-золота («сверкает золотом в руке его зерно»), но понимаем, что зерно как нижнее золото является отражением верхнего золота — солнца. Идиллия Черниховского дает нам отброшенный ключ от образа в «Путем зерна».

¹ Ходасевич В. Из еврейских поэтов. С. 31.

Обратимся теперь к источникам познаний самого Черниковского. Он писал свои стихи в 1909–1910 годах, уже после выхода всех основных монографий, в которых говорилось о ближневосточных культах умирающего и воскресающего бога. В России в то время пользовалась особой известностью книга немецкого религиоведа М. Брикнера, посвященная страдающему богу в религиях древнего мира. Черниковский мог читать ее и по-немецки в издании 1908 года, и затем по-русски. В этой монографии также есть фрагмент, посвященный зерну:

Но свое выдающееся религиозное значение эти боги получили лишь тогда, когда люди стали связывать с ними надежду на загробную жизнь, представителями и порукой которой являлись эти боги <...> По существу ведь тот же самый процесс, благодаря которому замерзает поток и становится холодной земля, действует и внутри нас самих; та связь, которую устанавливает Павел в I Послании к Коринфянам, гл. 15, между зерном, вложенным в землю и ожившим из нее в новом теле, и погребенным в земле человеческим телом, встречается задолго до нее в древних религиозных мистериях.¹

За изложением Брикнера стоят фундаментальные монографии Дж. Дж. Фрэзера и П. Йензена со ссылками на подлинные источники, основными из которых являются следующие:

They say about Adonis that at his death he spent six months in the arms of Aphrodite, as well as six also in those of Persephone. This tale is in truth as follows: Adonis, that is, the sown grain, spends six months in the earth from the time of sowing; and for six months Aphrodite — that is, the temperate air — has him. And then men receive him (Theocritus III, 48).²

Больше не будут сомневаться в том, что Адонис — солнце, если примут во внимание страну ассирийцев (сирий-

¹ Брикнер М. Страдающий бог в религиях древнего мира / Пер. под ред. Н. М. Никольского. М., 1909. С. 9. Там же приведен фрагмент мистерии Митры, где адепт говорит: «Боже! Возрожденный, я ухожу; вознесенный и благодаря вознесению моему, я умираю; рожденный рождением, производящим жизнь, я спасаюсь в смерти и следую по пути, который ты указал, который возведен тобою в закон, в таинство» (с. 10).

² Segal Ch. Adonis and Aphrodite (Theocritus Idyll III 48) // L'Antiquité classique. 1969. Т. 38. Fasc. 1. P. 82–84. Греческий оригинал см.: Frazer J. G. Adonis, Attis, Osiris: Studies in the History of Oriental Religion. London, 1907. P. 188.

цев), у которых особенно процветал культ Венеры Архитис (Астарты) и Адониса, каковой культ перешел теперь к финикийцам. Физики (т. е. астрологи) приписывали имя Венеры верхней части полушария, где живем мы; Прозерпиной же (царицей подземного царства) они называли нижнюю часть этого полушария. Поэтому Венера у ассирийцев и финикийян находится в слезах, когда солнце, проходя в своем годовом движении по 12 знакам зодиака, входит в нижнюю часть полушария, так как из 12 зодиакальных знаков — шесть считаются верхними, а шесть нижними. Когда солнце находится в нижних знаках и, следовательно, дни делаются короче, богиня, — говорят, — оплакивает преждевременную смерть и похищение солнца, захваченного и удерживаемого Прозерпиной, которую мы считаем владычицей нижнего полушария. Предполагают, что Адонис возвращается к Венере, когда солнце, пройдя шесть нижних знаков, начинает пробегать знаки нашего (верхнего) полушария и когда свет его увеличивается, а дни делаются длиннее (Макробий).¹

Von Du'uzu kann nicht bezweifelt werden, dass er urspr. der Gott der Frühlingsvegetation ist, die in seinem Monate, dem Tammuz-Du'uzu hinstirbt (s. o. S. 197 f.), weshalb dieser dann in die Unterwelt hinabgeht.²

В 1909 году вышло издание плачей по Думузи (Таммузу),³ по мотивам которых написано еще одно стихотворение Черниховского, переведенное Ходасевичем. Вот перевод подлинного шумерского текста:

О Даму⁴ моем вдалеке —
о помазаннике вдалеке —
от священного кедра,
где я, (его) мать, родила его,
от Эанны вверху и внизу,
плач из (страха), что он не вернется,
плач в обители господина,
плач из (страха), что он не вернется,
плач в городе моего господина,

¹ Румянцев Н. Смерть и воскресение Спасителя: (Исследование из области сравнительной мифологии). М., 1925. Т. 1. С. 62.

² Jensen P. Die Kosmologie der Babylonier. Studien und Materialien. Strassburg, 1890. S. 480.

³ Langdon S. Sumerian and Babylonian Psalms. Paris, 1909.

⁴ Даму, «дитя», — эпитет Думузи.

плач из (страха), что он не вернется,
 этот плач — воистину плач о лозах;
 участок с лозами не родит винограда.
 Этот плач — воистину плач об ячмене:
 борозда не родит его.
 Этот плач — воистину плач о великой реке:
 она не родит свои воды.
 Этот плач — воистину плач о поле:
 оно не родит пестрого ячменя.
 Этот плач — воистину плач о запруде:
 она не родит сазанов и форели.
 Этот плач — воистину плач о тростниковой заросли:
 старый тростник не родит нового.
 Этот плач — воистину плач о лесах:
 они не родят оленей и оленей.
 Этот плач — воистину плач о садах:
 они не родят вина и меда.
 Этот плач — воистину плач об огородах:
 они не родят латук и кресс-салат.
 Этот плач — воистину плач о дворце:
 он не родит долгой жизни.¹

Это и есть конкретно выраженная идея «все живущее идет путем Думузи». Люди боятся того, что после ухода Думузи в Подземный мир жизнь не возобновится. И эта идея также выражена в еще одном стихотворении Черниховского, переведенном Ходасевичем:

СМЕРТЬ ТАМУЗА²

И вот, там сидят женщины, плачущие по Тамузе.

Иезекииль, 8:14

Идите и плачьте,
 О, дочери Сиона!
 Сияющий Тамуз — он умер, увы!
 Грядущие дни — это время ненастья,
 И душ омраченных, и желтой листвы!

¹ Перевод с английского языка С. Л. Сухарева в изд.: *Якобсен Т. Сокровища тьмы. История месопотамской религии*. М., 1995. С. 87. Первое издание текста: *Langdon S. Sumerian and Babylonian Psalms*. P. 332–335.

² Здесь Таммуз в целях соблюдения размера назван с ударением на первый слог: Таму́з.

В поблекшие рощи,
Где черные ветви,
Спешите, спешите с восходом зари
Туда, где безмолвствуют чары и тайны,
Где Тамузу-свету стоят алтари.

Какую же пляску
Мы Тамузу спляшем
Вокруг алтаря, взгроможденного ввысь?
Семижды направо, семижды налево,
И склонимся ниц, и воскликнем: «вернись!»

Семижды направо,
Семижды налево,
Всем за руки взяться и мерно ступать!
За отроком отрок, за девою дева
Мы выйдем и Тамуза станем искать.

На тихих дорогах
Его мы искали,
Где солнце, и свет, и сиянье лучей,
Где сердцу так сладко в тепле и покое,
Где в воздухе стриж, а в пыли воробей.

Его мы искали
Меж тучных колосьев,
Где мак и терновник на тесных межах,
У берега ручьев, на лугах камышовых,
В зеленых и влажных шуршащих стеблях.

К реке мы спустились,
К земле плодоносной,
Минуя овраги, обрывы и рвы...
Ты, ястреб! Ты, голубь! Ты, ветер летучий!
Ответьте: не видели Тамуза вы?

Его мы искали
Меж грудями листьев,
В смолистых лесах за стволами дерев.
Быть может, он спит в благовониях кедра?
Быть может, он дремлет под запах грибов?

Его мы искали —
И вот, не нашли мы!
Спускаясь в долину, взбираясь на скат,

Искали мы тайну, искали мы чуда
В местах, что дыхание Бога хранят.

И рощи священной
Мы видели заросль,
И древо Ашеры, спаленное в ней, —
И только птенцов мы слышали голодных,
Алтарь же — забытая груда камней.

Его мы искали
В верховьях потоков,
Где шепчут лишь духи, послушны волхву,
Где гнется камыш шелестящий, хрустящий,
Иссушенный зноем, спалившим листву.

И нимфы исчезли
С лугов, и не слышен
Их голос и смех над вечерней волной...
Стал пастбищем луг, — и козлы к водопою
Несутся по травам, покрытым росой.

Идите и плачьте,
О, дочери Сиона!
Скорбящую землю увидите вы,
Скорбящую землю и сумрак бесчарный:
Сияющий Тамуз — он умер, увы!

1910¹

Теперь мы вернемся к датировке стихотворения Ходасевича. Рождество Христово 25 декабря задолго до Евангелий было рождением Таммуза. В IV месяце шумеро-вавилонского календаря (июнь–июль) Таммуз уходил в Подземный мир (отсюда и название месяца Таммуз), а в X месяце (декабрь–январь) он возрождался в молодой траве и в восходящем Солнце.² Сам того не зная, поэт воспроизвел в своей датировке ритуальное ожидание появления Таммуза из мира мертвых, которое описано в новоассирийской поэме о нисхождении Иштар в Подземный мир:

¹ Ходасевич В. Из еврейских поэтов. С. 50–52.

² Об этом см.: *Emelianov V. V. The Evolution of the Festival of Dumuzi in the Light of Russian Assyriology // Literary Change in Mesopotamia and Beyond and Routes and Travellers between East and West. Proceedings of the 2nd and 3rd Melammu Workshops / Ed. by R. Da Riva, M. Lang and S. Fink. Münster, 2019. P. 89–104. (Melammu Workshops and Monographs. 2)*

В дни Таммуза играйте на лазоревой флейте,
На порфирном тимпане с ним мне играйте,
С ним мне играйте, певцы и певицы,
Мертвецы да восходят, да вдыхают куренья!¹

Таким образом, можно сказать, что катализатором при написании стихотворения «Путем зерна», имеющего сложную полигенетическую природу, стали именно стихотворения Шауля Черниховского об умирающем и воскресающем боге (Таммузе, Адонисе, Баале), переведенные Ходасевичем в конце 1917 года для антологии еврейской поэзии.² В тексте Черниховского мы видим сочетание слов «закон жизни и установление» (*mishpat hayim hu va-hoq*), преобразованное у Ходасевича сперва в «мудрость и закон», а в стихотворении ставшее просто «мудростью единой». Библейские контексты, вроде бы лежащие на поверхности, не содержат основной идеи стихотворения — всеобщности воскрешения живого, поэтому они не могут рассматриваться в качестве его основного источника.

Добавим, что в 1918 или 1919 году Ходасевич пишет стихи о Персефоне, вспоминая самый близкий европейский аналог мистерий Таммуза — Элевсинские мистерии. Это стихотворение поэт не опубликовал, оно было обнаружено в его черновиках:

* * *

Редея, леса червленеют
В осеннем текущем огне.
Тенета паук расставляет
На слабо пригретой стене.
Вот — яблока две половинки:
Тебе, Персефона, и мне.

Прощай же. До встречи весенней
Блаженно запомнит она
Твою застигийскую поступь,

¹ Перевод с аккадского языка В. К. Шилейко (1916), впервые опубликован в: Восток. Пб., 1922. Кн. 1. С. 14.

² Интересно, что Черниховский, почувствовавший близость стихотворения Ходасевича к своим собственным стихам, перевел «Путем зерна» на иврит в издании: Naowed (Варшава). 1923. № 13/14.

Дыханье воздушнее сна,
И сока пахучую сладость,
И легкую горечь зерна (1, 288).

По-видимому, поэт сам удивился близости заветной метафоры, которую, как оказалось, можно было и не искать в текстах древнего Востока, а взять прямо из хорошо знакомой античной традиции.¹ Но эти стихи появились уже после переводов из Черниховского.²

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бавеский В. С.* История русской поэзии 1730–1980: Компендиум. Изд. 3, испр. и доп. М., 1996.
2. *Брикнер М.* Страдающий бог в религиях древнего мира / Пер. под ред. Н. М. Никольского. М., 1909.
3. *Карлы И. Э.* Роль авторской датировки в лирическом стихотворении // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2010. № 1 (72). С. 49–54.

¹ Впрочем, и сами Элевсинские мистерии имеют древневосточное происхождение. Ходасевичу наверняка была известна посвященная этому книга Н. И. Новосадского, где, в частности, сказано: «...я прихожу к тому выводу, что елевсинские мистерии заимствованы греками из Египта, но не имею оснований признавать мистический культ Изиды и Осириса возникшим в Египте вполне самостоятельно <...> Если новейшие исследования указывают, что основы мифов, имеющих отношение к елевсинским мистериям, имеют свой прототип в Азии, а не в Египте, то это несколько не опровергает того мнения, что между востоком и Грецией в передаче мистерий Димитры было посредствующее звено — Египет» (*Новосадский Н.* Элевсинские мистерии. СПб., 1887. С. 21. Прим. 2).

² Найденная в декабре 1917 года метафора бережно хранилась и развивалась поэтом в его последующем мировоззрении и творчестве: «Стынем — чтобы отогреться. Верю в это, потому что знаю, что у нас с тобой еще долгая жизнь впереди, что мы прожили только *худшую* половину и что терпеть остается недолго, хоть и не днями и не неделями надо здесь считать. Я все на той же теории: путем зерна. И вот мы с тобой сейчас оба в земле: темно и душно. И говорю тебе: прорастем, и будем мы с тобой петь и плясать. Пожалуйста, береги себя для этого времени» (письмо к А. И. Ходасевич от 12 октября 1922 года, Берлин — *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч. Т. 4. С. 449); «Во всем живущем сокрыты зародыши новых жизней. Но верно и то, что едва прозябший росток и новорожденный младенец уже таят в себе начала глубокого разложения, смерти, конца» («О завтрашней поэзии», 1918 — 2, 243); «Но душу полнит сладкой полнотой / Зерна некое прорастанье» («Стансы», 1918 — 1, 112).

4. *Лавров А. В.* Лейб Яффе и «Еврейская антология»: К истории издания // Художественный перевод и сравнительное изучение культур (Памяти Ю. Д. Левина). СПб., 2010. С. 120–138.
5. *Новосадский Н.* Елевсинские мистерии. СПб., 1887.
6. *Румянцев Н.* Смерть и воскресение Спасителя (Исследование из области сравнительной мифологии). М., 1925. Т. 1.
7. *Успенский П.* Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. — 1917 г.). Тарту, 2014.
8. *Якобсен Т.* Сокровища тьмы: История месопотамской религии. М., 1995.
9. *Bethea D. M.* Khodasevich: His Life and Art. Princeton, 1983.
10. *Emelianov V. V.* The Evolution of the Festival of Dumuzi in the Light of Russian Assyriology // Literary Change in Mesopotamia and Beyond and Routes and Travellers between East and West. Proceedings of the 2nd and 3rd Melammu Workshops / Ed. by R. Da Riva, M. Lang and S. Fink. Münster, 2019. P. 89–104. (Melammu Workshops and Monographs. 2)
11. *Frazer J. G.* Adonis, Attis, Osiris: Studies in the History of Oriental Religion. London, 1907.
12. *Jensen P.* Die Kosmologie der Babylonier. Studien und Materialien. Strassburg, 1890.
13. *Langdon S.* Sumerian and Babylonian Psalms. Paris, 1909.
14. *Segal Ch.* Adonis and Aphrodite (Theocritus Idyll III 48) // L'Antiquité classique. 1969. Т. 38. Fasc. 1. P. 82–88.
15. *Schulte J.* Saul Tchernichowsky and Vladislav Khodasevich: A Chapter in Philological Cooperation // Trumah: Zeitschrift der Hochschule für Jüdische Studien. 2013. Bd. 21. P. 9–27.

REFERENCES

1. *Baevskij V. S.* Istoriya russkoj poezii 1730–1980: Kompendium. Izd. 3, ispr. i dop. М., 1996. (In Russ.)
2. *Bethea D. M.* Khodasevich: His Life and Art. Princeton, 1983.
3. *Brikner M.* Stradayushchij bog v religiyah drevnego mira / Per. pod red. N. M. Nikol'skogo. М., 1909. (In Russ.)
4. *Emelianov V. V.* The Evolution of the Festival of Dumuzi in the Light of Russian Assyriology // Literary Change in Mesopotamia and Beyond and Routes and Travellers between East and West. Proceedings of the 2nd and 3rd Melammu Workshops / Ed. by R. Da Riva, M. Lang and S. Fink. Münster, 2019. P. 89–104. (Melammu Workshops and Monographs. 2)
5. *Frazer J. G.* Adonis, Attis, Osiris: Studies in the History of Oriental Religion. London, 1907.

6. *Jensen P.* Die Kosmologie der Babylonier. Studien und Materialien. Strassburg, 1890.
7. *Karly I. E.* Rol' avtorskoj datirovki v liricheskom stihotvorenii // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki. 2010. № 1 (72). S. 49–54. (In Russ.)
8. *Langdon S.* Sumerian and Babylonian Psalms. Paris, 1909.
9. *Lavrov A. V.* Lejb Yaffe i «Evrejskaya antologiya»: K istorii izdaniya // Hudozhestvennyj perevod i sravnitel'noe izuchenie kul'tur (Pamyati Yu. D. Levina). SPb., 2010. S. 120–138. (In Russ.)
10. *Novosadskij N.* Elevsinskie misterii. SPb., 1887. (In Russ.)
11. *Rumyancev N.* Smert' i voskresenie Spasitelya (Issledovanie iz oblasti sravnitel'noj mifologii). M., 1925. T. 1. (In Russ.)
12. *Schulte J.* Saul Tchernichowsky and Vladislav Khodasevich: A Chapter in Philological Cooperation // Trumah: Zeitschrift der Hochschule für Jüdische Studien. 2013. Bd. 21. P. 9–27.
13. *Segal Ch.* Adonis and Aphrodite (Theocritus Idyll III 48) // L'Antiquité classique. 1969. T. 38. Fasc. 1. P. 82–88.
14. *Uspenskij P.* Tvorchestvo V. F. Khodasevicha i russkaya literaturnaya tradiciya (1900-e gg. — 1917 g.). Tartu, 2014. (In Russ.)
15. *Yakobsen T.* Sokrovishcha t'my: Istoriya mesopotamskoj religii. M., 1995. (In Russ.)